

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 811.161.1
doi 10.17072/2037-6681-2018-2-5-15

РЕЖА И РЕЖАКИ: ОТ ИДЕИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПРОЕКТА¹

Людмила Юрьевна Зорина

к. филол. н., профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации

Вологодский государственный университет

160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, 15. kanz@mh.vstu.edu.ru

SPIN-код: 8442-0477

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9122-2140>

ResearcherID: G-2113-2017

Статья поступила в редакцию 16.02.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зорина Л. Ю. Режа и режаки: от идеи до завершения проекта // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 5–15. doi 10.17072/2037-6681-2018-2-5-15

Please cite this article in English as:

Zorina L. Yu. Re Rezha i rezhaki: ot idei do zaversheniya proekta [Rezha and Rezhaki: from the Idea to the Completion of the Project] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 2, pp. 5–15. doi 10.17072/2037-6681-2018-2-5-15 (In Russ.)

Обобщаются результаты реализации проекта «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома». Проект нацелен на изучение лингвистических, этнических и ментальных особенностей жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области и выполнялся в 2015–2017 гг. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ 15-04-00205). Руководила выполнением работ по проекту его инициатор Л. Ю. Зорина. В процессе реализации проекта установлено, что Режа (так называется малая северная река, приток Ваги, и расположенная в ее нижнем течении местность) действительно представляет собой уникальное русское поселение со своеобразной народной культурой и отличающимся от других вологодских говоров традиционным диалектом. Работы по его описанию завершаются публикацией серии статей относительно происхождения гидронима *Режа*, относительно микротопонимии поселения, особенностей прозвищных наименований жителей, характеристик их жизни и быта, подготавливаемой в настоящее время монографии по описанию языковой картины мира режского крестьянина, изданным сборником образцов народной речи в изучаемом поселении, а также опубликованным монодиалектным дифференциальным Словарем вологодского режского говора. Словарь вводит в научный оборот большой объем ранее не описанного лексического и фразеологического материала.

В ходе своей реализации проект обрел не только научную, но и социальную значимость, способствовал актуализации региональной идентичности, локального самосознания, вовлек в дело изучения режской речи широкий круг жителей региона, заинтересованных в обсуждении проблем филологического краеведения.

Ключевые слова: севернорусский диалект; Режа и режаки; этнолингвистическое описание.

Вологодские диалектологи завершают работу над исследовательским проектом «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» (руководитель кандидат филологических наук Л. Ю. Зорина). Проект был поддержан Российским гуманитарным научным

фондом (№ 15-04-00205) и осуществлялся в 2015–2017 гг. Работа была нацелена на изучение лингвистических, этнических и ментальных особенностей жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области.

Описание Режского поселения

Режское поселение Сямженского района Вологодской области (ранее – Режский сельсовет) расположено в нижнем течении малой северной реки Режи, притока Ваги. Длина русла Режи составляет всего 27 км. Деревни *Бурниха*, *Гридино*, *Колтыриха*, *Копылово*, *Коробицыно*, *Марково*, *Монастырская*, *Рассохино* и другие компактно расположены на протяжении примерно 13 км.

В исторических источниках Режа (так обычно по названию реки называется и вся эта местность) и ее центр, деревня Монастырская, упоминаются с XVI в. [Колесников 1971: 101–102]. Это позволяет говорить о многовековой истории изучаемого севернорусского идиома. Из-за удаленности и изолированности от административных и культурных центров эта территория в разное время относилась к разным районам Вологодской области. Властным структурам сложно было брать на себя ответственность за эту удаленную местность и населявших ее людей – радио как благо цивилизации появилось здесь только в 1957 г.

В конце XX в., в 80-е его гг., когда диалектологи Вологодского педагогического института начали проводить наблюдения над говором Режи, местность была густонаселенной (здесь проживало около 4000 человек), значительную часть населения составляли люди, родившиеся в самом начале XX в. Дорога сюда все еще была плохой. Сельские жители редко выезжали за пределы своего сельсовета и поэтому последовательно сохраняли в речевой практике традиционные особенности местного говора.

История изучения говора Режи

Диалектологические экспедиции в деревни Режского сельсовета проводились с небольшими перерывами с 1983 по 2015 г. Пребывание диалектологов в Реже иногда было весьма продолжительным: ежегодно 4 недели в июле и 4 недели в сентябре. В отдельные годы проводились и августовские экспедиции преподавателей, студентов и аспирантов Вологодского педагогического института. Руководителем диалектологических экспедиций была автор данного материала. Основными исполнителями работ по настоящему проекту согласились стать профессор Е. Н. Ильина, доценты Е. П. Андреева, Е. Н. Иванова, Н. В. Комлева и студентка филологического факультета Вологодского государственного университета Д. В. Глебова.

В ходе проведенной работы был зафиксирован традиционный, к настоящему времени уже почти утраченный, режский говор. Оцифрованные записи народной речи (свыше 30 часов зву-

чания), обширная картотека местных слов (более 20 тыс. карточек), большое количество студенческих выпускных квалификационных работ ярко отражают особое мироустройство и менталитет жителей данной местности. Здесь до недавнего времени сохранялась курная изба, бани строились «по-черному», существовала традиция мытья в русской печи, фиксировался архаичный обычай «перепекания ребенка», было заметным своеобразие деревенского костюма, ощущались особенности в коммуникативном поведении людей.

К настоящему времени население Режи сократилось до 200 человек, само поселение включено в состав более крупного Ногинского сельского поселения. Однако в рамках проекта удалось в максимально короткие сроки осуществить многостороннее изучение и описание специфических черт жизни традиционной деревни в данной местности и ее говора. Конкретный говор Вологодской группы севернорусского наречия впервые был подвергнут монографическому описанию, что доказывает актуальность проекта «Режа и режаки».

Применение классических, многократно опробованных методик описания говора, его топонимической и антропонимической систем в сочетании с инновационной методикой изучения отраженной в лексике говора уникальной диалектной картины мира обусловило высокий уровень фундаментальности исследования.

Новизна проекта, помимо сочетания актуальных методических установок, была обеспечена тем, что в научный оборот введен большой объем ранее никогда и никем не описанного диалектного материала, собранного в полевых условиях: значительный корпус диалектных слов, фразеологизмов, паремий, в том числе архаических, не отмеченных на других территориях, специфичных в национально-культурном отношении.

За годы реализации проекта «Режа и режаки» коллективом исполнителей была проведена значительная работа. В ходе исследования подтверждено, что Режа – это уникальное поселение со свойственной ему самобытной народной культурой и заметно отличающимся от других вологодских говоров колоритным диалектом.

В ходе исследования оцифрованы материалы режских диалектологических экспедиций (аудиозаписи, многочисленные фотографии, дневники студенческих диалектологических экспедиций и др.); усовершенствована картотека режского говора; проведена лексико-семантическая и грамматическая систематизация материала; осуществлено моделирование и редактирование пробных словарных статей; с целью дообследования говора

в 2015 г. проведена диалектологическая экспедиция в деревню Монастырская и др.

В итоге осуществления проекта произведена попытка этимологизации гидронима *Режа* [Варникова 2016: 354–359]; составлена и опубликована в виде главы монографии характеристика режского говора [Зорина 2015: 28–39]; опубликована так называемая «режская глава» – «Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края» [Народная речь 2015: 9–110]; опубликована монография с аудиоприложением [Режские тексты 2016]; издан Словарь вологодского режского говора [Словарь 2017]; напечатана серия статей относительно режской диалектной картины мира. В опубликованных статьях описаны система микропонимов изучаемой местности, система неофициальных именований жителей, фразеологическая и паремиологическая системы говора, система ономастопов в режском говоре, группа слов, обозначающих детей, группа наименований выпечных изделий, группа наименований пищи; проанализированы слова с архаическими корнями; частично опубликованы дневниковые заметки режской диалектологической экспедиции и др.

Помимо основных исполнителей работ по гранту «Режа и режаки», к реализации проекта подключились и другие преподаватели кафедры русского языка ВоГУ. Так, по проблематике гранта опубликованы статьи Е. Н. Варниковой [Варникова 2016: 354–359], Т. Г. Овсянниковой [Овсянникова 2015: 50–55], Т. В. Парменовой [Парменова 2015: 55–74], Г. В. Судаковым [Судаков 2016: 104–107], Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 2015: 10–23].

Проведение работ по гранту РГНФ «Режа и режаки» совпало с мощным общественным движением по восстановлению разрушенного в 30-е гг. XX в. храма Преображения Господня в деревне Монастырской. Объединению режаков способствовали, в частности, возможности Интернета. Так, в социальных группах «Режа» и «Ремонт храма Преображения Господня» сосредоточены и теперь стали доступны широкому кругу пользователей многочисленные историко-краеведческие материалы относительно Режи. Общение с пользователями социальной сети «ВКонтакте» позволило в процессе работы оперативно уточнять значения слов и грамотно интерпретировать их в Словаре вологодского режского говора. Проект «Режа и режаки» вызвал также большой интерес в регионе, о чем свидетельствует неоднократное размещение информации о нем в местных средствах массовой информации.

Таким образом, фундаментальный научный проект «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» обрел не только научную, но и социальную значимость, способствовал актуализации региональной идентичности, локального самосознания, вовлек в дело изучения режской речи широкий круг жителей региона, заинтересованных в обсуждении проблем филологического краеведения.

Оценивая итоги проекта, необходимо отметить положительную динамику в его реализации. Если в первый год выполнения работ было проведено экспедиционное дообследование говора и из написанных исполнителями работ по гранту статей составлена так называемая «режская глава», то во второй год уже была опубликована монография с расшифровками звучащей речи. Третий год завершился изданием объемного Словаря вологодского режского говора, эксплицирующего основные тематические группы лексики бытовой и духовной культуры, позволяющего реконструировать локальную картину мира, а это создало задел для еще одной монографии.

Топонимия Режи

При характеристике содержательной стороны проведенного исследования в первую очередь следует показать, что стало теперь известно о происхождении самого гидронима *Режа*. В статье Е. Н. Варниковой [Варникова 2016: 354–359] рассматривается его семантика, приводятся разные версии его происхождения, определяется связь гидронима с местным географическим термином *реж(а)*, *режма*.

Гидроним не отмечен в известных топонимических словарях, по-видимому, не только по причине затемненности его этимологии, но и в связи с относительно небольшим размером и малоизвестностью именуемого им водотока. При интерпретации гидронимов, сопоставимых с сямженским *Режа*, исследователи соотносят их с местным географическим термином *реж(а)*, *режма*, но объясняют его значение и происхождение по-разному.

По мнению А. Л. Шилова [Шилов 1999: 88–93], русский термин *режма* имеет саамское происхождение: «перспективным видится сравнение с саам. *ressam ‘начало, исток; источник’ или *resma ‘начинающая’. Следовательно, рус. *режма* могло означать ‘речку, берущую начало в источниках’, что существенно, если малая река используется в летнюю межень на водноволокном пути». Сямженская *Режа* действительно вытекает, как установлено экспедициями местных учителей и школьников, из небольшого источника.

Другая, «путевая» версия названия *Режа* приводится в Словаре гидронимов Вологодской области А. В. Кузнецова. Автор сопоставляет, как пишет Е. Н. Варникова, названия двух рек, текущих на территории Сямженского района Вологодской области, – *Режи*, впадающей в *Вагу*, и *Бохтюги*, относящейся к бассейну другой крупной реки в Вологодском крае – *Кубены* (*Бохтюга* – правый приток *Шиченьги*, правого притока *Сямжены*, левого притока *Кубены*) [Кузнецов 2010: 182]. В словарной статье «Бохтюга, Бохтюга» А. В. Кузнецов высказывает предположение о том, что «волок с верховьев сямженской Бохтюги вел к истокам реки Режи, левого притока Ваги. Таким образом, данный потамоним служил индикатором важного в древности водно-волокового пути из бассейна Кубены в бассейн Северной Двины» [там же: 26].

В статье «Режа» автор словаря, руководствуясь, по-видимому, этим предположением или высказанным ранее мнением А. Л. Шилова, допускает, что диалектный термин *реж*, *режма*, лежащий в основе гидронима, «в древности использовался для обозначения рек, ведущих в другую речную систему. В данном случае от истока Режи сухопутный волок вел на реку Бохтюгу, название которой, по одной из версий, переводится как «волоковая река» [там же: 182].

Таким образом, считает Е. Н. Варникова [Варникова 2016: 354–359], существуют две версии происхождения термина *реж(а)*, *режма* – русская и финно-угорская. Очевидно, в этом случае было бы правильнее говорить об омонимии этимологически разных терминов. Не является ли вариативность *режма*, *режа*, отмеченная СлРЯ XI–XVII вв., результатом их сближения и взаимодействия? В их семантике, как было показано ранее, выделяется и общий компонент ‘источник’. Впрочем, значение *режма*, *реж(а)*, как справедливо отметил А. Л. Шиллов, требует значительного уточнения. Это очень важно для трактовки гидронимов оттерминологического образования. Поиск истины в отношении гидронима *Режа* продолжается.

Тем не менее представления о малой вологодской реке *Реже* и ее особенностях пронизывают всю жизнь людей, проживающих по ее берегам, и отпечатываются в их сознании как разноплановые представления о реке большой и значительной. В статье Л. Ю. Зориной [Зорина 2015б: 26] отмечено, что жители Режи с гордостью говорят о том, что их река впадает в большую и важную в экономическом отношении реку Вагу, часто говорят о характере Ваги: *Режа пала в Вагу; Вага Вель перешибла да и дале потекла*.

Хозяйственная деятельность на реке Реже традиционно состояла в использовании ее вод для лесосплава, в обеспечении работы мельниц, в применении для обеспечения жизнедеятельности людей и домашних животных. До недавнего времени местные жители еще предпочитали использовать для питья воду именно из реки Режи, считали, что она лучше *опóшной*, сильно минерализованной колодезной воды.

Река Режа характеризуется в говоре с разных сторон: по наличию топких мест: *Как по Ваге-то идёшь, в Вагу-то впадают ключи. Настолькё топкое место, что не пройдёшь. Корóвы-то да-же садяще, вынимать их ёздят*; по характеру течения: *Рёжа-то тутока у нас перебористая, а дальше впадает в Вагу (перебористый – ‘изобилующий донными перепадами’)*; по скорости течения: *Судорога – это вода крутится и плывёт по рекё (судорога – ‘бурлящий речной поток’)*; по наличию опасных, скрытых водой включений в русле реки: *Есть местá, где рекá колóдники вымывáет, ёдак деревья под грунтом* и др.

Когда-то река Режа была богата рыбой: *Когда вьташишым бредник, рыбы аж кипит нани*. Не случайно в говоре достаточно полно представлена рыболовецкая лексика. Отдельные слова восходят к праславянскому языку: например, *ез* ‘рыболовецкая запруда’, *бóтало* ‘шест, ударами которого по воде вспугивают рыбу и загоняют ее в сети’. Показательно, что рыболовецкие термины встречаются и в составе фразеологизмов: *как на езу́ бьёт* (кого) ‘о том, что кто-либо дрожит от холода’. Другие слова носят субстратный характер, например: *мóрда* ‘сплетенный из прутьев или толстых ниток рыболовный снаряд в форме конуса’, *курья́* ‘глубокое место в реке, омут; заводь, залив’, *меева* ‘мелкая рыба’ являются финно-угорскими по происхождению. Диалектные режские наименования рыб отличаются выразительностью, образностью: *горбáч* ‘окунь’, *семиглазка* ‘рыба, имеющая семь пар жаберных щелей; минога ручьевая’, *шарáня* ‘пескарь’ и др.

Некоторые реалии деревенской жизни имеются в режском говоре исключительно через представления о реке. Так, *речни́ца*, *бережй́на* – это ‘трава, которая растет по берегу реки или на ее островках’. Через призму речных реалий в говоре осуществляется и характеристика человека: *ры́бницей*, например, называют любительницу есть рыбу.

Микротопонимия Режи

В рамках проводимого исследования была предпринята попытка описать микротопонимическую подсистему говора [Иванова 2015: 74–79]. Установлено, что часть микротопонимов Режи

возникла на базе диалектизмов финно-угорского происхождения: *Сохра́*, поле, *Пéндуска*, река, *Пéндуски*, покос. Большинство изученных микротопонимов – славянские образования. Как известно, древнейшие миграции славян на территорию края шли в двух направлениях – с запада (Новгородская республика) и с юга (Ростово-Суздальская земля). На территории Режского поселения зафиксированы микротопонимы с продуктивным формантом *-иха*, занесенным колонизацией из центральных районов Московского государства: *Богдáниха*, поле, *Дани́лиха*, покос, *Согну́тиха*, поле и т. д. Следы колонизации из Новгородской земли отражает топоформант *-щин(а)*: *Филáтовицина*, покос.

Микротопонимы Режи отражают социальную историю региона, дают представление о хозяйственной деятельности жителей. На широкое распространение в Реже лесного и дегтярного промыслов указывают географические названия *Дектя́рня*, поле, *Лёвин бревéнник*, покос. В микротопонимии Режи частотны названия сенокосных и пашенных угодий, возникшие в результате онимизации терминов подсечно-огневого земледелия: *Чи́стенье*, покос, *Пáлевая / Паль*, покос, *Вы́тлевка / Вы́тлевки*, покос и т. д. Многочисленность микротопонимов данной группы свидетельствует о том, что в Реже подсечно-огневое земледелие сохранялось вплоть до начала XX в.

Сельскохозяйственные угодья обычно являлись собственностью семьи: *Комари́ца Голова́т*, *Филя́т токови́ца*, *Елисы́т поля́нка*, *Коро́вкинцев ля́жка*. На совместное использование сенокосных угодий указывают микротопонимы *Во́бчая поля́нка*, *О́бщий пенни́к*. Таким образом, в микротопонимии отражаются социальные отношения северной деревни.

Исследование микротопонимов позволило, как считает Е. Н. Иванова [Иванова 2015: 74–79], выявить некоторые особенности мировосприятия, психологии жителей Режи. Микротопонимия свидетельствует об образности, метафоричности мышления носителей режского говора: *Кошелёво*, покос (по форме похож на кошель), *Са́харница*, покос (с хорошей травой), *Черногу́зиха*, покос, *Федю́хин хвост*, покос (по форме напоминает хвост) и др.

Антропонимия Режи

В рамках проекта были проанализированы записанные в Реже прозвища ее жителей [Комлева 2015: 79–93; Комлева 2016: 392–395]. Выяснено, что в диалектном языковом пространстве Режского сельского поселения функционируют прозвищные номинации, являющиеся средством

идентификации отдельной личности (индивидуальные прозвища – *Копéйка* ‘человек некрупного телосложения’, *Пестéрь* ‘полный человек’, *Седун* ‘ребенком не ходил до семи лет’); группы лиц – членов одной семьи, рода (релятивные прозвища, уличные фамилии – *Ванчеля́та* ‘дети Ивана, Ванчила’, *Иринёхонцы* ‘дети Ириinea’, *Чижи́хинцы* ‘прозвище людей с фамилией *Чижовы*’); а также жителей отдельных населенных пунктов (коллективные прозвища – *Магазе́йники* ‘жители деревни, где была *магазе́я*’, *Чернотро́пики* ‘жители д. Марково: избы раньше топились по-черному, поэтому следы на снегу были черными’).

Индивидуальные прозвища, составляющие половину общего количества неофициальных антропонимов Режи, возникают на основе экстралингвистической мотивации. Кроме идентифицирующей функции, они обладают функцией характеристики лица, так как имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне. Аpellативные основы индивидуальных прозвищ представляют собой лексику как общерусскую, так и локальную, фиксируемую в Вологодской группе говоров (*бри́ла*, *бу́харь*, *долби́ло*, *колоба́н*, *колы́ш*, *комель*, *ку́лес*, *литóвка*, *пестéрь*, *смоле́вый*, *сумёрзлый* и др.).

В говоре Режи достаточно высокой активностью характеризуются релятивные прозвища, образованные от личного имени или прозвища матери (иногда и бабушки), что в принципе не является типичным для антропонимов данного типа: *Марфе́нок* < Марфа, *Файни́нец* < Фаина и от деминутивов: *Катюшо́нок* < Катя (Екатерина), *Лисине́ц* < Лиса (Елизавета), *Настю́хинец* < Настюха (Анастасия), *Овдю́хинец* < Овдюха (Авдотья), *Пара́нинец* < Параня (Прасковья). Релятивы служили основой для создания семейных прозваний, которые, в свою очередь, стремились иметь мужское именование, и только особые обстоятельства ставили во главу семьи женщину. Возникновение в массовом количестве релятивных прозвищ и тем более уличных фамилий от женских антропонимов говорит о неблагоприятии внутри семьи – об отсутствии в ней по разным причинам мужчины, кормильца. Объяснение этого явления, вероятно, следует усматривать в сложившейся в России конца 80-х – начала 90-х гг. социально-экономической ситуации.

Все виды неофициальных режских антропонимов создаются в основном по продуктивным как в литературном языке, так и в вологодских говорах словообразовательным моделям. Формант *-ёнок / -ят(а)* (восходящий к праславянскому *-ent* со значением детенышей живых существ) в антропонимах патронимического типа реализует разрядное значение принадлежности / проис-

хождения. Следы этого, новгородского по происхождению, структурного типа в говорах некоторых районов Вологодской области свидетельствуют о былой миграции ильменских славян на территорию Вологодского края.

В диалектном онимиконе Режи обнаруживается использование в качестве прозвищ самих личных имен. К индивидуальным прозвищам в диалектном языковом континууме оказываются близки деминутивы и гипокористики личного имени, образованные по особым словообразовательным моделям, нетипичным для городской среды: *Ванчѣло, Лазу́нка, Надѣжка* и др. В большинстве случаев деминутивы от полной формы имени в режском говоре лишены коннотативной окраски. В тех случаях, когда контекст позволяет установить наличие экспрессии или оценки, статус такого деминутива изменяется – формируется другой вид неофициального антропонима – индивидуальное прозвище. Полностью процесс перехода в прозвище завершается, пишет Н. В. Комлева [Комлева 2016: 392–395], в том случае, когда степень коннотации имени настолько высока, что позволяет ему оторваться от одного носителя (для которого это имя было единственным, по документам) и переходить к другому лицу: *Манѣфа* – прозвище женщины по имени *Алекса́ндра*, которая, как и некая *Манѣфа* (прозвище умершей женщины), была косоглазой.

Особенности режского говора

Особенности режского говора представим фрагментом его записи: *Бацяру́хой ра́ние-то называли, ра́ние не куфа́рка. Бацяру́ха обряжа́-еце, всё цѣсто де́лает. Ей то́лькѣ бега́й бего́м да обряжа́йсе. Вста́ну в пять ца́сов да всё вре́мя баце́рницаю. Ця́ю вы́пью. Мне не́когда, я не хо́рю разьеда́ця. Уста́нешь. Уварѣ́це су́п-то, дак там как закипе́ло, возьму́ да в блюде́цкѣ накро́шу кроше́нины да нахлебáюсь. И пекѣт, и варѣт, и скота́ обряжа́ет – всё баце́руха. Баце́рухи, го-воря́т. Ой, христо́вы же́нишыны! Берѣт та́ким ко́чям, наперѣд кладе́т но́шу!*

Выявленные особенности режского говора в его традиционном слое свидетельствуют о том, что говор жителей этой местности относится к типичным говорам Вологодской группы севернорусского наречия, а именно к говорам центральной их части [Зорина 2017: 105–119]. В пользу этого вывода свидетельствуют особенности реализации звука на месте древнего гласного, обозначающего буквой «ять» (*лес*, но в *ли́се*), произношение звука [э] в соответствии с фонемой <a> между мягкими согласными (*каце́-лись*), мягкое цоканье (*цяшка, коси́ця*), произношение /-европейского и его реализация в слабой

позиции в ʸ-неслоговом; прогрессивная ассимиляция (*Ва́ськя, то́лькѣ, Ше́йгя*); употребление форм *де́душко, парни́шко* по образцу 2-го склонения, а слов 3-го склонения: *в печѣ, на мазѣ, на осы́пѣ* – с окончаниями 1-го склонения; совпадение окончаний творительного падежа множественного числа с окончаниями дательного падежа (*за гриба́м, за ягода́м*), сохранение старинного плюсквамперфекта (*быва́ли ба́ймакі шѣли*), особенности синтаксиса (*Они́ понаде́явишь, что, мо́жет, не на́ши* – деепричастие в функции сказуемого; *Молоде́жь-то подкупа́ют избу́ и гуля́ют* – смысловое согласование; *Топѣрь никто́ и вста́ет ра́но* – одно отрицание; *На реке́-то уша́т-от – мно́го ви́дѣр-ту* – обильное употребление постпозитивных частиц), употребление слов *по́млить, та́рка, ту́ес* и мн. др.

Общение с людьми разного возраста, разного уровня образования показало, что в говоре весьма значительно варьирование фактов. Оно обусловлено как самой изменчивостью, подвижностью системы диалекта, так и причинами экстралингвистического характера. Тем не менее выявленная картина весьма цельна и специфична.

Лексические группы режского говора

В итоге реализации проекта «Режа и режаки» составлено описание ряда лексических групп режского говора.

Важной составной частью лексического фонда режского говора является лексика народной метеорологии. Она в рамках проекта описана Е. Н. Ивановой. Ею установлено, что метеонимы Режи свидетельствуют об образности мышления носителей этого говора. Внутренняя форма слов, обозначающих явления природы, дает представление о своеобразии взглядов северного крестьянина на окружающий мир.

Лексика пищи в режском говоре проанализирована Т. В. Парменовой [Парменова 2015: 55–74]. Самой распространенной и широко представленной в говоре группой лексики является группа названий выпечных изделий и слов, связанных с приготовлением выпечки. Выпечные изделия – неременная часть народной культуры еды, причем не только праздничной, но и будничной, повседневной: испеченные хозяйкой хлеб, блины, оладьи, пироги – ежедневная еда сельского жителя и в прошлом, и в настоящем.

Заспенник, капустник, пальчики, рыбник, творожник, яблочник, ягодник – эти и многие другие названия выпечных изделий, произведенные по разным основаниям, подробно описываются в материалах проекта. В этой группе лексики широко представлены системные отношения: многие слова являются многозначными (*солони́к,*

шаньга, хлѣбина и хлѣбѣны), развита синонимия (*сѹтолока – смешица, разлѣв – разлѣва – квашонка, малявочник – меѣвочник, недопѣка – неупѣка – присядыш – завялыш*), отмечены антонимы (*удача – неудача, тѣчковатый – рѣхлый*). Разнообразны словообразовательные модели, по которым строятся наименования (*загибѣха, зѣгибень, загибѣня, загибѣнка, загибѣшка и загибѣшка; пресник, пресняк и преснѹшка* и др.).

Тематическая группа «Одежда» в режском говоре характеризуется, как установила Е. Н. Ильина [Ильина 2017: 280–299], лексическим разнообразием, богатой внутренней формой, достаточно активно употребляется местными жителями в ситуации направленной беседы в контексте описания бытового уклада региона и его духовной культуры. В процессе этнолингвистического описания этой группы слов изучены местные названия одежды (мужской и женской, плечевой и поясной, верхней и нижней, будничной и праздничной), обуви (плетеной, валяной, кожаной), головных уборов (мужских и женских), рукавиц и женских украшений. Доказано, что основу данной группы слов составляет общерусская лексика общеславянского и восточнославянского лексического фонда (*одѣжа, обѹтка*) и адаптированные заимствования различных эпох (*сарафан, сак, епанцѣ*). Внутренняя форма этих слов эксплицирует характеристику по материалу (*сукманѣна, портяница*), технологии изготовления (*остѣбенье, чѣсаники*) или ношения (*передѣжа, подболѣчка*), специфике внешнего вида (*рванѣна, уханка*), потребительских качеств (*теплѹшка*), бытовому (*брѣдни*) или обрядовому назначению.

Е. Н. Ильиной проанализирована также лексика сферы народной медицины в режском говоре [Ильина 2015: 250–266; Ильина 2016: 143–147]. Анализ этого материала позволяет сделать вывод о сохранении в сельском социуме традиций народного целительства. Жители Режи хорошо помнят народные названия болезней (*повѣтерье, кумоха*), их связи с конкретной частью тела (*черѣво ‘грыжа’*), симптоматики (*трясѹха, шат*), причин появления (*оприкѣсить, озычѣть*), средств и способов лечения (*знатьѣ, надобье, пѹхтать*). Анализ лексики данной группы свидетельствует о сохранности представлений сельских жителей о магической природе появления и исчезновения болезни (*Когда худѣй человек... до тебя’ чем доткнѣтся, дак прикѣсит, болѣть потѣм бѹдешь*), зоо- и антропоморфной природе человеческих недугов (*волос, кумоха*), а также о богатстве народных средств и способов их лечения.

Особенности фразеосемантической системы режского говора

Исследование фразеосемантической системы режского говора, проведенное Е. П. Андреевой [Андреева 2015: 167–185], показало, что эта система отражает духовную и материальную культуру северного крестьянина, позволяет судить о его мировосприятии. Локальный характер фразеологизмов, известных режскому говору, обусловлен разными причинами. Прежде всего, региональные единицы могут включать в свой состав диалектные компоненты: *мѣтица-доброхѣтица, травѣ не одѣрнет, словно бѣнник унѣс, брать такѣми кѣчѣми*, устаревшие слова *на пѣтах упѣчься*. Нередко такие фразеологизмы строятся по общерусским моделям (ср. *на брилах молоко не обсохло – на губах молоко не обсохло*). Различие между диалектными и общерусскими единицами может наблюдаться на грамматическом уровне (*с рѹку – с руки, рука подѣть – рѹкой подѣть*).

Компонентами региональных фразеологизмов могут быть семантические диалектизмы, совпадающие по форме с общерусскими словами и отличающиеся от них по своему значению: *пѣть (запѣть) побѣдные пѣсни* ‘горевать (начать горевать)’. *Вот отѣц-от у нас не вернѹлся, и запѣли мы с мамой побѣдные пѣсни, однѣ остѣлись с шестерѣми робѣтами*.

Вместе с тем выявлена общность ассоциативно-образной основы общерусских и диалектных единиц (ср. *цѣлый кѹзов – с три корѣба*). Близость фразеосюжетов очевидна и при сопоставлении общерусских и диалектных фразеологизмов (ср. *травѣ не одѣрнет – тѣше водѣ, нѣже травѣ*).

В ходе исследования установлено, что в говоре Режи функционирует в достаточно полном объеме система этикетных благопожеланий [Новожилова, Зорина 2017: 120–152]: *Пух под нѣжницы!* – стригущему овцу; *Белѣнько мѣть!* – стирающему белье; *Лѣбеди летѣят!* – тому, кто моет пол; *Добрѣ кормѣть!* – хозяину при появлении приплода у скота; *Молокѣ в рѹки!* – тому, кто доит корову; *Спорина в квашино!* – хозяйке, замешивающей тесто; *Сѣхар – мясо!* – человеку, который режет скотину на мясо, и мн. др. Употребление таких благопожеланий реализует присутствующую жителям категорию вежливости, средства которой заметно отличаются от литературных.

В режском говоре весьма богата паремиологическая система [Зорина 2015а: 21–29]. Многие из зафиксированных пословиц и поговорок отличаются местным своеобразием, например: *Не уродѣсь, дѣрево, на сковорѣдник, а пѣрень на живѣтника* (*живѣтником* называют мужа, пе-

решедшего на жительство в дом жены). В записанных паремиях обнаруживаем многочисленные диалектные черты. Это и местные фонетические особенности (*артіль, дёнышко, корóтка, сусёд*), и диалектные грамматические формы (*бáтько, в печé*), диалектные слова (*живóтник, казák, кроёное, мятьё, наго́льная, нўжа, пáужна, сызда́лей, тэля́тко, угóда, ёгня́тко*), семантические отличия (*артіль* – ‘группа людей, компания’, а не ‘объединение лиц той или иной профессии’). Все это придает паремиологической системе изучаемой местности неповторимое своеобразие.

Завершая обзор произведенного описания режского говора, отметим, что в дальнейшем исследователям видятся определенные перспективы, поскольку этнолингвистическая специфика говора проявляется также и в не описанных пока особенностях наименований жилища, названий предметов домашней утвари и мн. др.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00205 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома»).

Список литературы

Андреева Е. П. Фразеосемантическая система режского говора на фоне общерусской фразеологии // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 14. С. 167–185.

Андреева Е. П. Образная основа составных наименований в режском говоре // Громовские чтения. Вып. 3: Живое народное слово и Костромской край. Кострома: КГУ, 2016. С. 11–25.

Варникова Е. Н. Река Режа: версии происхождения гидронима // Громовские чтения. Вып. 3: Живое народное слово и Костромской край. Кострома: КГУ, 2016. С. 353–359.

Зорина Л. Ю. Паремии в живом народном бытовании (на материале речи жителей Режского поселения Сямженского района Вологодской области) // Вологодский текст в русской культуре: сб. ст. по материалам конференции / ред. Е. Н. Ильина, С. Ю. Баранов, С. Х. Головкина. Вологда: Легия, 2015. С. 21–29.

Зорина Л. Ю. Река Режа как системообразующий фактор жизни в Сямженском районе Вологодской области // Водные пути: Пути жизни, пути культуры: материалы междунар. науч. конф. (Тверь, 15–19 сент. 2015 г.) / ред.-сост. Е. Г. Милютина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2015. С. 183–190.

Зорина Л. Ю. Родная стихия – диалект // Родная речь: сб. науч. ст. / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: ВоГУ, 2017. Вып. 1. С. 105–119.

Иванова Е. Н. Микротопонимия Режского поселения в ономазиологическом и структурном аспектах // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / науч. ред. Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Вологод. гос. ун-т, Легия, 2015. С. 74–79.

Ильина Е. Н. Лексика народной медицины в режском говоре // Громовские чтения. Вып. 3: Живое народное слово и Костромской край. Кострома: КГУ, 2016. С. 143–147.

Ильина Е. Н. Одежда жителей Режи как компонент локальной картины мира // Севернорусские говоры. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 16. С. 280–299.

Ильина Е. Н. Представления о здоровье и болезни в речи жителей Вологодского края // Севернорусские говоры. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 250–266.

Колесников П. А. Северная Русь. Археографические источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII века. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1971. С. 101–102.

Комлева Н. В. Неофициальная антропонимия Режи // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда: Легия, 2015. С. 79–93.

Комлева Н. В. От личного имени к прозвищу (неофициальная антропонимия Режи) // Громовские чтения. Вып. 3: Живое народное слово и Костромской край. Кострома: КГУ, 2016. С. 392–395.

Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области (обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озер). Тотьма; Грязовец, 2010. 290 с.

Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / науч. ред. Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. 256 с.

Новожилова Н. А., Зорина Л. Ю. Благопожелания в режской коммуникативной культуре / Л. Ю. Зорина, Н. А. Новожилова // Родная речь / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: Вологод. гос. ун-т, 2017. С. 120–152.

Овсянникова Т. Г. Характеристика детей в речи жителей Режского поселения // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / науч. ред. Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. С. 50–55.

Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края // Народная речь

Вологодского края». Вологда: Вологод. гос. ун-т, 2015. С. 9–110.

Парменова Т. В. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / науч. ред. Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. С. 55–74.

Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта / отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологод. гос. ун-т, 2016. 261 с.

Словарь вологодского режского говора / науч. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологод. гос. ун-т; РА «Эпатаж», 2017. 604 с.

Судаков Г. В. Знатоки вологодской говори // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 4. С. 104–107.

Шилов А. Л. О балтийских следах в топонимии Северной Руси (к статье В. Н. Топорова) // Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М.: Науч.-произв. и изд. центр «Наука и техника», 1999. С. 88–93.

Яцкевич Л. Г. Архаические явления в лексической и словообразовательной системах режского говора // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / науч. ред. Ю. Н. Драчёва, Л. Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. С. 10–23.

References

Andreeva E. P. Frazeeosemanticheskaya sistema rezhskogo govora na fone obshcherusskoy frazeologii [Phraseosemantic system of the Rezh dialect against the background of all-Russian phraseology]. *Severnorusskie govory: mezhvuz. sb. Vyp. 14* [The Northern Russian dialects: *interuniversity collection*. Issue 14]. Ed. by A. S. Gerd, E. V. Puritskaya. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 167–185 (In Russ.)

Andreeva E. P. Obraznaya osnova sostavnykh naimenovaniy v rezhskom govore [The *metaphorical* basis of compound names in the Rezh dialect]. *Gromovskie chteniya. Issue 3. Zhivoe narodnoe slovo i Kostromskoy kray* [Gromov's Readings. Living folk word and the Kostroma Region]. Kostroma, Kostroma State University Press, 2016, pp. 11–25. (In Russ.)

Varnikova E. N. Reka Rezha: versii proiskhozhdeniya gidronima [The “Rezha” river: the original versions of the hydronym]. *Gromovskie chteniya. Issue 3. Zhivoe narodnoe slovo i Kostromskoy kray* [Gromov's readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma Region]. Kostroma, Kostroma State University Press, 2016, pp. 353–359. (In Russ.)

Zorina L. Yu. Paremii v zhivom narodnom bytovanii (na material rechi zHITELEY Rezhskogo poseleniya Syamzhenskogo rayona Vologodskoy oblasti) [Paremas in a live folk existence (a case study of speech of inhabitants of the Rezhsky settlement of Syamzhensky district of the Vologda Region)]. *Vologodski tekst v russkoy kul'ture: sbornik statey po materialam konferentsii* [The Vologda text in Russian culture]. Ed. by E. N. Il'in, S. Yu. Baranov, S. Kh. Golovkin. Vologda, Legiya Publ., 2015, pp. 21–29. (In Russ.)

Zorina L. Yu. Reka Rezha kak sistemooobrazuyushchiy faktor zhizni v Syamzhenskom rayone Vologodskoy oblasti [The Rezh river as a system-forming factor of life in the Syamzhensky district of the Vologda region]. *Vodnye puti: puti zhizni, puti kul'tury. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Tver', 15–19 Sentyabrya, 2015)* [Waterways: ways of life, ways of culture. Proceedings of international scientific conference. (Tver, 15–19 of September, 2015)]. Ed. by E. G. Milyutin, M. V. Stroganov. Tver, SFK-ofis Publ., 2015, pp. 183–190. (In Russ.)

Zorina L. Yu. Rodnaya stikhiya – dialect [The native element is a dialect]. *Rodnaya rech': sbornik nauchnykh statey. Vyp. 1*. [Native speech: collection of scientific articles. Issue 1]. Ed. by G. V. Sudakov. Vologda, Vologda State University Press, 2017, pp. 105–119. (In Russ.)

Ivanova E. N. Mikrotoponimiya Rezhskogo poseleniya v onomasiologicheskom i strukturnom aspektakh [Microtoponymy of the Rezh settlement in onomasiological and structural aspects]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: mezhdu proshlym i budushchim. Monografiya* [People's speech of the Vologda region: between the past and the future. Monograph]. Ed. by Yu. N. Drachev, L. Yu. Zorin, E. N. Il'in. Vologda, Vologda State University Press, Legiya Publ., 2015, pp. 74–79. (In Russ.)

Il'ina E. N. Leksika narodnoy meditsiny v rezhskom govore [Folk medicine vocabulary in the Rezh dialect]. *Gromovskie chteniya. Vyp. 3. Zhivoe narodnoe slovo i Kostromskoy kray* [Gromov's readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma Region]. Kostroma, Kostroma State University Press, 2016, pp. 143–147. (In Russ.)

Il'ina E. N. Odezhda zHITELEY Rezhi kak komponent lokal'noy kartiny mira [Rezh inhabitants' clothing as a component of the local worldview]. *Severnorusskie govory. Vyp. 16* [Northern Russian dialects. Issue 16]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 280–299. (In Russ.)

Il'ina E. N. Predstavleniya o zdorov'e i bolezni v rechi zHITELEY Vologodskogo kraya [Representations of health and disease in the speech of the inhabitants of the Vologda region]. *Severnorusskie govory*.

Vyp. 14. [Northern Russian dialects. Issue 14]. St. Petersburg. Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 250–266. (In Russ.)

Kolesnikov P. A. *Severnaya Rus'. Arkheograficheskie istochniki po istorii krest'yanstva i sel'skogo khozyaystva 17 veka* [Northern Russia. Archaeological sources on the history of the peasantry and agriculture of the 17th century]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Press, 1971, pp. 101–102. (In Russ.)

Komleva N. V. Neofitsial'naya antroponimiya Rezhi [Unofficial anthroponymy of Rezh]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: mezhdru proshlym i budushchim* [People's speech of the Vologda region: between the past and the future]. Vologda, Legiya Publ., 2015, pp. 79–93. (In Russ.)

Komleva N. V. Ot lichnogo imeni k prozvishtchu (neofitsial'naya antroponimiya Rezhi) [From a personal name to the nickname (unofficial anthroponymy of Rezh)]. *Gromovskie chteniya. Vyp. 3. Zhivoe narodnoe slovo i Kostromskoy kray* [Gromov's readings. Issue 3. Living folk word and the Kostroma Region]. Kostroma, Kostroma State University Press, 2016, pp. 392–395. (In Russ.)

Kuznetsov A. V. *Slovar' gidronimov Vologodskoy oblasti (obzor etimologii russkikh i finno-ugorskikh nazvaniy rek i ozer)* [The Dictionary of hydronyms of the Vologda region (a review of the etymologies of Russian and Finno-Ugric names of rivers and lakes)]. Totma, Gryazovets, 2010. 290 p. (In Russ.)

Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: mezhdru proshlym i budushchim [Folk speech of the Vologda region: between the past and the future]. Ed. by Yu. N. Drachev, L. Yu. Zorin, E. N. Il'in. Vologda, Legiya Publ., 2015. 256 p. (In Russ.)

Novozhilova N. A., Zorina L. Yu. Blagopozhelaniya v rezhskoy kommunikativnoy kul'ture [Goodwishes in the Rezh communicative culture]. *Rodnaya rech'* [Native speech]. Ed. by G. V. Sudakov. Vologda, Vologda State University Press, 2017, pp. 120–152. (In Russ.)

Ovsyannikova T. G. Kharakteristika detey v rechi zhiteley Rezhskogo poseleniya [Characteristics of children in the speech of residents of the Rezh settlement]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: mezhdru proshlym i budushchim* [People's speech of the Vologda region: between the past and the future]. Ed. by Yu. N. Drachev, L. Yu. Zorin, E. N. Il'in. Vologda, Legiya Publ., 2015, pp. 50–55. (In Russ.)

Opisanie govora Rezhskogo poseleniya Syamzhenskogo rayona v kontekste izucheniya rechevoy kul'tury Vologodskogo kraja [The Description of the dialect of the Rezh settlement of the Syamzhensky district in the context of studying the speech culture of the Vologda region]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja* [People's speech of the Vologda region: between the past and the future]. Vologda, Vologda State University Press, 2015, pp. 9–110. (In Russ.)

Parmenova T. V. Leksika, svyazannaya s prigotovleniem vypechnykh izdeliy, v rezhskom govore [Vocabulary related to pastry making in the Rezh dialect]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: mezhdru proshlym i budushchim* [People's speech of the Vologda region: between the past and the future]. Ed. by Yu. N. Drachev, L. Yu. Zorin, E. N. Il'in. Vologda, Legiya Publ., 2015, pp. 55–74. (In Russ.)

Rezhskie teksty kak istochnik etnolingvisticheskogo opisaniya severnorusskogo dialekta [Rezh texts as a source of the ethnolinguistic description of the Northern Russian dialect]. Vologda, Vologda State University Press, 2016. 261 p. (In Russ.)

Slovar' vologodskogo rezhskogo govora [The Vologda Rezh Dialect Dictionary]. Vologda, Vologda State University Press, RA Epatazh Publ., 2017. 604 p. (In Russ.)

Sudakov G. V. Znatoki vologodskoy govori [Experts on Vologda dialect (“Govorya”)]. *Vestnik cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2016, issue 4, pp. 104–107. (In Russ.)

Shilov A. L. O baltiyskikh sledakh v toponimii Severnoy Rusi (k stat'e V. N. Toporova) [On the Baltic traces in the toponymy of Northern Russia (to the article of V. N. Toropov)]. *Zametki po istoricheskoy toponimike Russkogo Severa* [Notes on the historical toponymy of the Russian North]. Moscow, Nauka i tekhnika Publ., 1999, pp. 88–93. (In Russ.)

Yatskevich L. G. Arkhaicheskie yavleniya v leksicheskoy i slovoobrazovatel'noy sistemakh rezhskogo govora [Archaic phenomena in the lexical and word-formation systems of the Rezh dialect]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: mezhdru proshlym i budushchim* [People's speech of the Vologda region: between the past and the future]. Ed. by Yu. N. Drachev, L. Yu. Zorin, E. N. Il'in. Vologda, Legiya Publ., 2015, pp. 10–23. (In Russ.)

REZHA AND REZHAKI: FROM THE IDEA TO THE COMPLETION OF THE PROJECT

Lyudmila Yu. Zorina

Associate Professor in the Department of Russian Language,
Journalism and Communication Theory

Vologda State University

15, Lenina st., Vologda, 160000, Russian Federation. kanz@mh.vstu.edu.ru

SPIN-code: 8442-0477

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9122-2140>

ResearcherID: G-2113-2017

Submitted 16.02.2018

The article summarizes the results of the project “Rezha and Rezhaki: an ethnolinguistic description of the Northern Russian idiom”. The project was aimed at studying the linguistic, ethnic and mental characteristics of the residents of the Rezha rural settlement of the Syamzhensky district of the Vologda region and was carried out in 2015–2017 with the financial support from the Russian Foundation for the Humanities (No. 15-04-00). The studies were performed by professors of the Vologda State University. The project was led by the associate professor L. Yu. Zorina, an initiator of the project and a participant in its implementation.

In the process of implementing the project, it was established that Rezha (the name of a small northern river, a tributary of the Vaga, as well as of the community located in its lower reaches) is actually a unique Russian settlement with a peculiar folk culture and a traditional dialect different from other Vologda dialects. The work on its description resulted in publication of a series of articles on the origin of the hydronym “Rezha”, on microtoponymy of the settlement, peculiarities of the nicknames of its inhabitants, characteristics of their life. Moreover, the research results are presented in the currently prepared monograph on the description of the linguistic worldview of a Rezha peasant, in the published collection of the language spoken in the studied settlement and in the published monodialectal differential *Dictionary of the Vologda Rezha Dialect* in 35.2 printed sheets, which introduces into scientific use a large volume of lexical and phraseological data previously not described.

In the course of its implementation, the project gained not only scientific but also social significance, contributed to the actualization of the regional identity, local self-awareness, attracted a wide circle of residents of the region interested in discussing the problems of philological study of local lore.

Key words: northern Russian dialect; Rezha and rezhaki; ethnolinguistic description.